

УДК 94(4) "1938"

doi 10.17072/2219-3111-2020-1-179-190

МЮНХЕНСКОЕ СОГЛАШЕНИЕ 1938 ГОДА В ОЦЕНКАХ СОВЕТСКИХ И РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ

Е. В. Хахалкина, Д. В. Ганжа, Д. В. Рац

Национальный исследовательский Томский государственный университет, 634050, Томск, пр. Ленина, 36
ekhakhalkina@mail.ru
dmitrii.ganzha@yandex.ru
Runk.Up@yandex.ru

Оцениваются взгляды российских историков на Мюнхенское соглашение 1938 г. в советский и постсоветский периоды. В советский период исследователи согласно духу времени и идеологической линии возлагали ответственность за Мюнхенское соглашение и его последствия на западные демократии, акцентируя роль СССР как единственного гаранта мира и выразителя идей коллективной безопасности накануне Второй мировой войны. При этом, например, позиции малых государств Европы редко попадали в фокус научного интереса, в том числе по причине нехватки архивных материалов. В постсоветский период историки получили возможность расширить исследовательское поле, включив в него новые сюжеты и документальные источники, сгладив наиболее острые углы в трактовке событий 1938 г. и обратившись к более глубокому анализу материалов, прежде всего советского, американского, восточноевропейского, балканского и других факторах в политике умиротворения на ее завершающем этапе. Более пристальное, чем прежде, внимание исследователи стали уделять роли личности в истории, осуществляя всесторонний анализ биографий вершивших судьбы своих стран и всего мира политиков с опорой на новые источники личного происхождения и документальные материалы. Делается вывод о том, что в последние годы интерес историков, политиков и общественных деятелей к Мюнхенскому соглашению возрос в связи с политизацией этого исторического сюжета (при нередком сравнении с советско-германским пактом о ненападении 1939 г.) и его использования в так называемых войнах памяти между Россией и европейскими государствами.

Ключевые слова: советская эпоха 1930–1950-х гг., большие социальные институты, обыденные практики, агрегатная повседневность, исследовательские стратегии, принципы изучения.

В 2018 г. в связи с 80-летием со дня подписания Мюнхенского соглашения 1938 г., сыгравшего роковую роль в повороте мира ко Второй мировой войне, историки вновь обратились к этому сюжету, пытаясь ответить на вопросы об альтернативах курсу на умиротворение и уроках этого трагичного времени для всего человечества. Поводом к новому взгляду на, казалось бы, хорошо известные события стала не только круглая дата, но и открытие новых архивных материалов (Интернет-проект, 2018; ГАРФ, 2018) и, как следствие, включение в научный оборот ранее недоступных источников, связанных с дипломатическими отношениями ключевых участников и ролью отдельных политиков в складывании ситуации вокруг Судетского вопроса в пользу Германии. Значительную роль в постоянном возвращении к осмыслению событий Мюнхена играет современная политизация событий перед войной и во время Второй мировой войны в России и на Западе. Так называемые войны памяти, которые развернулись в европейском политическом дискурсе, обращены именно к 1930-м гг. и первой половине 1940-х гг., когда в результате действий – сознательных и ситуативных – ведущих политических деятелей мир шагнул в катастрофу Второй мировой войны.

Политические и общественные деятели, представители научных сообществ разных стран ставят вопросы о степени ответственности ведущих держав за принятые ключевые международно-политические решения и упущенные возможности предотвращения войны. Круг вопросов, до сих пор актуальных в связи с Мюнхенским соглашением 1938 г., включает такие. Были ли реальные альтернативы курсу на политику умиротворения в предвоенные годы? Располагали ли «заинтересованные» страны – Чехословакия, Великобритания, Франция – достаточными военными силами, чтобы дать отпор Германии в случае войны? Все ли возможности использо-

вала советская дипломатия для оказания помощи Чехословакии и в каком контексте в целом следует рассматривать советский фактор в чехословацком кризисе? Какую роль сыграли малые европейские страны в чехословацком кризисе? Есть ли связь между Мюнхенским соглашением 1938 г. и советско-германским пактом о ненападении 1939 г. и как следует трактовать оба документа с точки зрения конкретно-исторических событий?

Отечественную историографию по Мюнхенскому соглашению и всему комплексу связанных с ним вопросов европейской безопасности накануне Второй мировой войны условно можно разделить на два этапа: советский и российский; причем на каждом этапе в освещении этих событий можно выделить ряд особенностей и закономерностей. Заметим, что авторы статьи не претендуют на исчерпывающий анализ всех публикаций по такому неоднозначному и привлекающему повышенное внимание исследователей сюжету в силу его не столько исторической, сколько политической значимости, сосредоточившись на отдельных работах в рамках обозначенного замысла статьи.

Прежде чем приступить к исследованию двух этапов историографии, напомним общий ход событий. Как известно, Мюнхенское соглашение было подписано 30 сентября 1938 г. на конференции, созванной по инициативе Германии для решения Судетского вопроса. В Судетах, присоединенных после Первой мировой войны к Чехословакии, проживало около 3 млн. немцев. Возникла проблема национального меньшинства, поддерживаемая с начала 1930-х гг. созданной Судетской немецкой партией во главе с К. Генлейном. В мае 1938 г. Германия сосредоточила войска на границе с Чехословацкой республикой (ЧСР), в ответ президент страны Э. Бенеш объявил о частичной мобилизации. Франция и Великобритания на данном этапе поддержали Э. Бенеша, дав понять Германии, что они защитят ЧСР в случае агрессии. Более того, Прага была связана союзническими обязательствами с Москвой и Парижем: в мае 1935 г. были подписаны советско-французский и советско-чехословацкий договоры о взаимопомощи, создававшие для Германии потенциальную угрозу войны на два фронта.

После майского инцидента и жесткой позиции Франции и Великобритании А. Гитлер начал действовать дипломатическими методами, убеждая своих визави в Лондоне и Париже, что Германию интересует только Судетская область. Параллельно ЧСР вела переговоры с СССР, который был готов оказать военную помощь Праге. Однако существовали препятствия политического и технического характера: договор о взаимопомощи между СССР и ЧСР вступал в силу только при оказании помощи Чехословакии со стороны Франции, кроме того, между двумя странами не было прямой границы – требовался проход советских военных через территорию Польши или Румынии.

Летом – в начале осени 1938 г. шли интенсивные переговоры между всеми заинтересованными сторонами. Париж и Лондон склонились в пользу продолжения «политики умиротворения», Прага не решилась на принятие советской помощи. Судьба ЧСР уже была решена к началу сентября. Германии только оставалось «соблюсти приличия» и решить Судетский вопрос формально. В ходе встречи в Мюнхене в сентябре 1938 г., на которую были приглашены лидеры Франции, Великобритании и Италии, было подписано соглашение, в соответствии с которым Судетская область отделялась от Чехословакии в пользу Германии. В отношении остальной территории страны Германия давала гарантии неприкосновенности.

Советский период. Первые публикации по указанным событиям стали появляться в советской историографии после Второй мировой войны. В 1945 г. в журнале «Вопросы истории» была напечатана статья «Из дипломатической истории Мюнхенского соглашения». Ее автор, советский дипломат и историк Ф.И. Нотович, вынес вердикт: «Политика непротivления фашистской агрессии в Центральной Европе, проводившаяся Англией и Францией, привела к тем же плачевным результатам, что и "политика невмешательства" в испанские дела» [Нотович, 1945, с. 154]. В полном соответствии с политической линией советского руководства Ф.И. Нотович обратил внимание на альтернативы курсу на «умиротворение» в формате предложений советского руководства западным демократиям: «Советское правительство квалифицировало действия Германии как "международное преступление" и выразило готовность "принять активное участие во всех мероприятиях, направленных к организации коллективного отпора агрессору, даже пренебрегая неизбежным ухудшением его отношений с агрессором"» [Нотович, 1945, с. 154].

Причины «игнорирования» советских предложений в предвоенный период и на протяжении 1930-х гг. в целом западными странами (за редким исключением), что симптоматично, в статье не раскрывались. Многие документы этого периода были засекречены, автор ссылаясь преимущественно на выступления И.В. Сталина и других политических деятелей страны, отраженные в ведущих органах советской печати – газетах «Правда» и «Известия».

В последующий период историки транслировали обозначенный взгляд на Мюнхенское соглашение, за которым прочно закрепилась характеристика «Мюнхенский сговор», вошедшая не только в научный, но и в общественно-политический обиход. Советские авторы этого периода развивали тезис об ответственности западных стран за Мюнхенское соглашение. Так, в монографии историка-международника дипломата Б.Е. Штейна «Буржуазные фальсификаторы истории (1919–1939)», изданной в начале 1950-х гг., обосновывалось уже утвердившееся в историографии мнение о предательской политике западных стран в отношении Чехословакии и их желании направить агрессию Гитлера на восток. Однако и эта монография, как и статья Ф.И. Нотовича, не содержала ссылок ни на соответствующие западные документы, ни на советские дипломатические материалы, связанные как с обменом мнениями между ЧСР и СССР в период, предшествующий подписанию Мюнхенского соглашения, так с решением вопроса о проходе советских войск через территории сопредельных с ЧСР стран [Штейн, 1951, с. 152–153].

С публикацией новых источников историки углубили взгляд на предвоенные события, сосредоточив внимание на роли отдельных государств в «политике умиротворения» и разделе ЧСР. В работе В.Г. Полякова «Англия и Мюнхенский сговор (март – сентябрь 1938 г.)» представлена характеристика внешнеполитической позиции Великобритании не только накануне Мюнхенской конференции, но и в межвоенное время в целом [Поляков, 1960]. Он возлагает ответственность за судьбу чехословацкой республики на британские правительственные круги, а также на Францию и другие страны, принявшие участие в разделе Чехословакии.

Симпатично, что в монографии не раскрывается сложная природа «политики умиротворения» и лишь упоминается раскол в британском политическом истеблишменте по этому вопросу. В. Г. Поляков констатирует, что возникли «существенные разногласия» между Чемберленом и Иденом в начале 1938 г., приведшие к отставке последнего [Поляков, 1960, с. 84]. Более того, он замечает: «Было бы неправильно преувеличивать серьезность разногласий между Чемберленом и Иденом, учитывая, в частности, что между ними не было расхождений в отношении принципиальных установок и конечных целей английской политики и что сам Иден на протяжении многих лет был активным проводником внешнеполитического курса британского империализма, направленного на "умиротворение" агрессоров» [Поляков, 1960, с. 86]. Схожая точка зрения представлена в работе советского историка В.Б. Ушакова «Внешняя политика Гитлеровской Германии», в которой подписанный в Мюнхене в конце сентября 1938 г. документ рассматривался как основание для более широкой сделки между гитлеровской Германией и западными державами. По его мнению, в Мюнхенском соглашении и последовавших за ним англо-германской и франко-германской декларациях получила воплощение идея антисоветского «пакта четырех» – союза Германии, Франции, Италии и Великобритании [Ушаков, 1961, с. 135].

Историк-международник В.А. Матвеев в монографии «Мюнхен не повторится» обращает внимание на план премьер-министра Великобритании Н. Чемберлена «Зет» – проект общего урегулирования отношений с Гитлером за счёт Чехословакии на антисоветской основе. Он ссылается на рассекреченные по истечении срока давности в 1969 г. архивы британского кабинета министров, согласно которым существовал «план ...Зет, ... которому надлежит быть известным только» узкому кругу министров [Матвеев, 1970, с. 33]. Этот проект не был четко разработан и являлся результатом личных бесед Чемберлена с членами правительства Великобритании. Согласно В. А. Матвееву, Н. Чемберлен должен был встретиться с А. Гитлером и предложить эксплуатацию обширного района Африки (от Сахары до Юго-Западной Африки), однако из-за возможного отказа от сотрудничества правительств Бельгии и Португалии, имевших широкие колониальные владения в Африке, британский премьер-министр якобы решил отдать Германии Чехословакию, на которую было гораздо легче осуществить давление [Матвеев, 1970, с. 35].

Этой точки зрения придерживается профессор Академии военных наук Л.А. Безыменский, считавший, что соглашение сделало войну неизбежной и являлось ошибкой представителей Франции и Великобритании: «...В своей антикоммунистической слепоте Чемберлен, Вильсон и те, кто стоял за их спиной – в том числе и во Франции и в США, – не пошли на принятие активных, совместных с СССР мер против надвигавшейся агрессии. Сорвав эти меры, мюнхенцы сделали войну неотвратимой» [Безыменский, 1969, с. 25]. Известный советский дипломат, историк-англовед, член-корреспондент АН СССР В. Г. Трухановский в статье «Правда о 1939 годе: Новые данные» характеризует действия Чемберлена и Даладье не просто как ошибочные и предательские, а преступные: «Лидеры стран-агрессоров со свойственным им цинизмом использовали в своих разбойничьих целях политическую ограниченность руководителей западных "демократий". Классовая ненависть к социализму ослепила их и лишила элементарного здравого смысла» [Трухановский, 1971, с. 28]. Появление статьи объяснялось публикацией в 1971 г. подготовленного Министерством иностранных дел СССР сборника документов «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.): документы и материалы», который расширял документальную базу (СССР в борьбе..., 1971).

С подобными оценками событий, даже при поправке на их эмоциональный и идеологически выдержанный характер, трудно не согласиться. Мюнхенское соглашение без преувеличения стало «позорной» страницей в дипломатической истории западных государств. Сделка с Гитлером бросила тень на все поколение политиков, так или иначе выступавших за курс на «умиротворение». Карьера некоторых из таких деятелей закончилась, даже не начавшись. В Великобритании, например, шансы на успех в политике после провала «умиротворения» могли иметь только не запятнавшие себя связью с этим курсом политические деятели.

Однако отечественные историки в этот период проявляли излишнюю, как представляется сейчас, сосредоточенность на антисоветской направленности подписанного в Мюнхене документа. Даже если признать желание западных демократий направить агрессию Германии на восток, остаются вопросы о реализации этого. У Германии не существовало прямой границы с СССР, требовался проход войск через территорию Польши, Румынии или Литвы. На эти «технические» трудности обратил внимание в своей статье В.П. Смирнов уже в постсоветский период историографии [Смирнов, 2009, с. 189]. В советский же период они не обсуждалось, и тезис о желании «направить агрессию на восток» детально не раскрывался. Следует добавить, что А. Гитлер не скрывал планов по возвращению в первую очередь отторгнутых от Германии территорий после Первой мировой войны, которые были отделены не в пользу Советской России, а следовательно, об агрессии на восток речь могла идти только после «собираания немецких земель» и укрепления страны в военном и экономическом отношении.

Другая особенность советской историографии состояла в том, что историки долгое время были сосредоточены на действиях западных демократий в ущерб изучению позиции других государств, например, Италии, восточноевропейских и балканских стран. В конце 1970-х гг. этот крен был выровнен. В монографии В.К. Волкова освещается не только предыстория заключения Мюнхенского соглашения, но и его воздействие на балканский регион и изменение политики западных стран в отношении Болгарии, Греции, Турции, Югославии и Румынии [Волков, 1978]. Работа построена на богатом фактическом материале, включая советские, американские, британские, германские, венгерские документы. Ценность издания состоит и в том, что в нем показан клубок противоречий, возникших вокруг «чехословацкого кризиса» внутри Малой Антанты, созданной в 1920-е гг. в Центральной и Восточной Европе. В условиях появления прямой угрозы Чехословакии со стороны Германии ни одно из государств не согласилось оказать помощь Праге. «Таким образом, в период, предшествующий Мюнхенской конференции, Чехословакия не получила от своих союзников по Малой Антанте практически никакой поддержки. Они заботились только о своих эгоистических интересах и стремились не допустить чрезмерного усиления Венгрии» [Волков, 1978, с. 41].

В целом же монография выдержана в русле прежних советских оценок, в соответствии с которыми в «основе мюнхенской политики лежали антисоветские установки, рассчитанные в конечном счете на то, чтобы столкнуть Германию с Советским Союзом. Подталкивая германский империализм к агрессии на Восток, против СССР, западные державы надеялись, что это приведет к взаимному истощению Германии и Советского Союза и тем самым к упрочению

мировых позиций Англии, Франции и США» [Волков, 1978, с. 3-4]. А действия президента Чехословацкой республики Э. Бенеша рассматривались как «капитулянтские» [Волков, 1978, с. 8729].

Интерес представляют работы, в которых раскрывалась роль США в мюнхенских событиях 1938 г. Как известно, американские администрации в межвоенный период старались оставаться в стороне от каких-либо европейских и других международных конфликтов, следуя политике неоиоляционизма. Так, в одной из своих работ советский историк Ю.В. Арутюнян приводит документальные данные о том, что Вашингтону были необходимы тесные связи с Германией для заключения выгодных торговых сделок, а также для недопущения заключения Германией и Италией союза с Японией – главным конкурентом США на Дальнем Востоке [Арутюнян, 1958, с. 79].

Следует заметить, что в целом позиция США, как и позиция других стран, не только не препятствовавших разделу Чехословакии, но и фактически выступивших на стороне Германии, характеризовалась в советской историографии негативно. Историки предпринимали отдельные попытки рассмотреть реакцию Вашингтона на европейские конфликты в контексте Великой депрессии и психологической неспособности США в межвоенный период выйти за рамки курса на неоиоляционизм.

В 1988 г., на излете советского периода, вышел сборник исторических очерков «Мюнхен – преддверие войны» [Мюнхен..., 1988]. Представленные в нем материалы касаются советского, американского, итальянского факторов в чехословацком кризисе и других сюжетов. Особый интерес вызывает материал С.И. Прасолова «Советский Союз и Чехословакия в 1938 г.». В этом очерке на основе разных документальных источников детально разбирается, как менялась позиция СССР в отношении чехословацкого кризиса и какие меры были приняты для помощи ЧСР: «...СССР ... сразу после аншлюса Австрии было внесено, а затем многократно повторялось предложение о созыве международной конференции в составе СССР, Великобритании, Франции и всех остальных государств, заинтересованных в обеспечении независимости и территориальной целостности ЧСР, а тем самым и мира в Европе» [Мюнхен..., 1988, с. 85].

Постсоветский период. Окончание холодной войны, падение «железного занавеса», либерализация общественной жизни и запуск процесса деидеологизации в СССР в 1990-е гг. объективно способствовали пересмотру и уточнению взглядов историков на многие исторические сюжеты, в том числе на предвоенный кризис 1938–1939 гг. Однако в указанное десятилетие появилось лишь незначительное количество новых работ, посвященных Мюнхенскому соглашению. Внимание историков в тот период оказалось приковано к пакту Молотова – Риббентропа 1939 г., что объяснялось реакцией научного сообщества на постановление Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г., в котором советская сторона впервые официально признала существование секретного протокола к советско-германскому пакту о ненападении. В 1992 г. была опубликована советская копия секретного приложения к пакту.

Период отрицания наличия этого документа Советским Союзом закончился. Однако само подписание секретного протокола не являлось каким-то уникальным событием в дипломатической практике тех лет. В распоряжении историков имеются документальные данные, согласно которым о разграничении сфер влияния в Восточной и Юго-Восточной Европе пытались договориться с Гитлером британские и французские политики [Смирнов, 2009, с. 191]. На этом фоне неясно, из каких соображений морального, политического и исторического порядка советская дипломатия при М.С. Горбачеве решила публично «повиниться» в «аналогичных» действиях.

После «признаний» советского руководства, которым, как представляется, следовало придать эмоционально сдержанный характер, в российском научном сообществе началось активные дискуссии, посвященные этим сюжетам. Так, в сентябре 1989 г. на заседании Отделения истории АН СССР академики И.Д. Ковальченко, И.И. Минц и другие обсуждали новый учебник по истории для учеников 10-го класса. Директор Института славяноведения и балканистики РАН В.К. Волков подверг учебник критике за недостаточно подробное освещение внешней политики СССР и факторов, влиявших на ее выработку в межвоенный период. Не отрицая Мюнхенского соглашения как следствия «политики умиротворения» западных держав, он назвал в качестве одной из причин ее проведения реакцию на внутри- (массовые сталинские репрессии и террор) и внешнеполитический курс (агрессивная политика Коминтерна) самого

Советского Союза, что не было показано в учебнике. Именно это, по мнению В.К. Волкова, привело к падению «его международного престижа, резкому снижению готовности других государств сотрудничать с ним, сузило его способности к проведению активной внешней политики» [Хроника научной... 1990, с. 189]. Подробнее свою позицию он изложил в книге «1939 год. Уроки истории»: «Отклонение советских предложений в связи с аншлюсом Австрии показывало, далее, что внешнеполитическая изоляция СССР дошла до черты, за которой начинался откровенный остракизм. На международное положение страны продолжала оказывать катастрофическое воздействие лавина массовых репрессий, обрушенных сталинским руководством на партийные и военные кадры, дипломатов и советских работников, на деятелей науки и искусства» [1939 год..., 1998].

На ответственность СССР за неспособность предотвратить раздел чехословацкой республики начали указывать и другие историки. Например, профессор РГГУ И. Семиряга в статье «История советского общества в новом освещении. Советский Союз и предвоенный политический кризис» назвал действия Англии и Франции «преступным попустительством Гитлеру», а также винил сталинизм в провале попытки создания системы коллективной безопасности. Критике подверглись действия политической верхушки (И.В. Сталина и В.М. Молотова в частности), названные «субъективными» и «дилетантскими» [Семиряга, 1990, с. 51]. Критический взгляд на политику СССР начинал набирать обороты в историографии [Наджафов, 1999, с. 154–167; Волков, 1997, с. 3–17 Парсаданова, 1997, с. 13–31; Семиряга, 1990, с. 49–64].

Военные историки А. Мерцалов и Л. Мерцалова в своей монографии также подвергли критике однобокое видение Мюнхенского соглашения в советских политических кругах и в исторической науке [Мерцалов, Мерцалова, 1998, с. 199]. По их мнению, суждение о том, что подписание Мюнхенского соглашения было обусловлено только антисоветизмом Англии и Франции, является несостоятельным, хотя и они признают, что имевший силу антисоветизм объяснялся отношением Запада к «сталинским чисткам», а также его скептическим отношением к «способностям СССР к военному союзу» [Там же, с. 199].

С точки зрения авторов, советское руководство долгое время находилось в плену стереотипов, касающихся целей и намерений западных демократий, что не позволило Сталину в свое время увидеть всю противоречивость мюнхенского курса. В то же время на содержании «политики умиротворения» сказались и некомпетентность высших правительственных кругов Великобритании и Франции, «волею судеб вознесенных на дипломатический олимп» [Там же, с. 202]. Историки обратили внимание на такие факторы, как сильные пацифистские настроения населения западных стран и последствия мирового экономического кризиса, которые оказывали значительное влияние на курс Парижа и Лондона [Там же, с. 202]. В книге проведены тонкие параллели между мюнхенским курсом и традиционной британской политикой баланса сил на континенте, хотя и отмечено, что премьер-министр Великобритании Н. Чемберлен сильно рисковал и во многом пренебрег этой политикой, допустив чрезмерное усиление Германии. Тем не менее приверженность Великобритании этому курсу дает авторам возможность подвергнуть жесткой критике сторонников того мнения, согласно которому политика умиротворения «отдавала» СССР Германии [Там же, с. 201].

Такая, на сегодняшний взгляд, чрезмерная, вплоть до демонизации, оценка действий Советского Союза в предвоенный период объясняется эффектом маятника: после долгих лет невозможности критического освещения политики Москвы произошло резкое выплескивание накопившейся критической массы. В то же самое время историкам в целом удалось, за некоторым исключением, не качнуться окончательно и целиком в сторону демонизации СССР, внешнеполитический курс которого формировался еще в период иностранной интервенции и преодоления последствий Первой мировой войны и Гражданской войны. В постсоветский период историки постепенно стали отказываться и от использования термина «Мюнхенский сговор» в отношении данного соглашения, что в некоторой степени символизировало отказ от эмоционально-негативной трактовки связанных с ним событий. Тем не менее общая оценка Мюнхенского соглашения остается отрицательной, хотя и выглядит более объективной: авторы ни в коей мере не оправдывают действия Франции и Британии, решивших вместе с Италией и Германией судьбу суверенного государства, но вовлекают в анализ действия других игроков (например,

США), пытаюсь разобраться в их мотивах и сопутствующих их решениям факторах [Борисов, 2017].

В 2000-е гг. с провозглашением курса страны на модернизацию, выравнивание социально-экономического развития и патриотическое воспитание молодежи в российской исторической науке закрепляется магистральный взгляд на действия советского руководства в межвоенный период. В рамках этой линии политика Москвы до, во время и после Мюнхенского соглашения оценивается в целом как единственно возможная, хотя и допускаются выходящие за эту линию трактовки. В 2009 г. вышла статья профессора Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова В.П. Смирнова, в которой рассматриваются Мюнхенское соглашение и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков [Смирнов, 2009, с. 185–203]. Эта статья – на сегодняшний день единственная, в которой обобщается опыт историков, начавших с 1990-х гг. проводить свободные от идеологического пресса сравнения двух документов. В связи с Мюнхенским соглашением автор обращает внимание на ряд малоизученных сюжетов, например, на его воздействие на психологию руководителей главных европейских держав. Западные демократии какое-то время пребывали в плену иллюзий о сохранении мира с Германией, Гитлер же сделал верный вывод о том, что при новых захватах он не встретит сопротивления Парижа и Лондона. В свою очередь, «Сталин чувствовал себя обманутым», что в какой-то мере объясняет советско-германское сближение в будущем [Смирнов, 2009, с. 188–189].

В работе доцента МГИМО И. Э. Магадеева отмечается такой фактор психологического свойства как неверие в долговечность Версальской системы многих мировых политиков уже в момент ее создания. В качестве одного из аргументов он приводит слова помощника государственного секретаря США А. Берли: «Кратко говоря, наши эмоции заслоняют очевидный факт, что будь действующее лицо иное, чем Гитлер с его жестокостью и антисемитизмом, мы восприняли бы это просто как восстановление старой системы, ликвидирующее ошибочную деятельность Версаля и следующее логике истории» [Магадеев, 2014, с. 43–44].

Отдельной темой в постсоветской историографии, связанной с Мюнхенским соглашением, является уточнение *мотивов политических деятелей*, следовавших линии на «умиротворение». Речь идет прежде всего о президенте ЧСР Э. Бенеше, оценки которого до сих пор носят полярированный характер. Открытие чешских архивов в начале 2000-х гг. стимулировало интерес исследователей как к фигуре первого президента ЧСР, так и к Мюнхенскому соглашению 1938 г [Марына, 2009, с. 59–84; 2006, с. 16–37; Орлик, 2018, с. 15–28].

В статье доктора исторических наук Института славяноведения РАН Е.П. Серапиновой «Эдвард Бенеш и Мюнхенский кризис» на основе широкого круга архивных материалов показано, как непросто Э. Бенешу было согласиться с курсом на «умиротворение» и принять его последствия [Серапинова, 2018, с. 205–223]. В результате раздела страны, в котором принимали участие наряду с Германией Польша и Венгрия, у Э. Бенеша, разочарованного в односторонней ориентации на западные державы, которой он придерживался весь межвоенный период, сложился «стойкий «мюнхенский комплекс» [Серапинова, 2018, с. 222]. Итоги Мюнхенского соглашения были катастрофическими: вся глубина национального унижения достигла президента ЧСР довольно быстро. «5 октября 1938 г. Бенеш подал в отставку и позднее покинул страну. На прощание Бенеш заявил: "На Востоке Чехословакия имеет друга, заверившего ее в своей помощи и до конца оказавшегося верным своим обязательствам, чего забывать нельзя и на что нужно ориентироваться"» [Шубин, 2018, с. 41].

Специалист по межвоенному времени доцент МГУ О.Р. Айрапетов, проанализировав причины отказа Великобритании от сотрудничества с СССР, высказал мысль о том, что Лондон не доверял и не желал сотрудничать в военном плане с СССР во многом из-за убежденности в низкой боеспособности Красной армии. В численном отношении советская армия в 1930-х гг. стремительно росла, но финансовые возможности страны заставляли руководство экономить на учениях и подготовке личного состава. Как следствие, «на фоне заверений о низкой ценности союза с Москвой Британия прощупывала возможность диалога с гитлеровцами и цену этого диалога» [Айрапетов].

В другой статье О.Р. Айрапетов приводит слова лорда Галифакса о том, что «общественное мнение Британии не потерпит ставок, проигрыш в которых приведёт к войне». Пацифист-

ские настроения в Европе и мире склоняли к прогерманской линии, в свою очередь, и Берлин возлагал надежды на миролюбивость Англии и Франции [Айрапетов]. Очевидно, что обе стороны – и британская, и советская – допустили ряд ошибок и просчетов, исходя из недоверия друг другу.

Разумеется, не только послевоенный пацифизм оказал влияние на общественное мнение в мире. Вчерашние аутсайдеры Версальской системы, прежде всего Германия, оказались успешны в том, что называется «информационной войной». Историк, дипломат, доцент Московского гуманитарного университета Н.Н. Платошкин в одной из своих работ, например, указывает на исключительную роль «Судето-немецкого добровольческого корпуса» в организации борьбы судетских немцев против чехословацкого правительства. Митинги и теракты, совершенные судетскими немцами, изменили общественное мнение во Франции и Великобритании в пользу «угнетённых» немцев Чехословакии [Платошкин, 2018]. В целом фактор судетских немцев, которых политические силы разных стран пытались использовать как инструмент удовлетворения своих внешнеполитических амбиций, раскрывается в работах российских авторов гораздо глубже и полнее, чем в советский период [Кретинин, 2000; Христаторфов, 2009].

Западные демократии медлили с «симметричным» ответом Германии на ее политику в Судетской области, рассчитывая контролировать и при необходимости направлять эту политику. Отсылка к недостаточности действий со стороны западных держав накануне войны содержится во втором томе «Происхождение и начало войны» недавно опубликованного многотомного труда «Великая Отечественная Война 1941–1945 годов». По мнению авторов, Мюнхенская сделка разрушила каркас коллективной безопасности, основу которого потенциально составляли договоры между СССР, Чехословакией и Францией, так и не вступившие в силу [Великая Отечественная Война..., 2015, с. 34].

Военный историк М. И. Мельтюхов, используя рассекреченные документы военных архивов, обращает внимание на тот факт, что советское правительство приняло соответствующие военные меры по подготовке к оказанию помощи Чехословацкой Республике. Однако антисоветские настроения в западных демократиях, банкротство правительства Народного фронта во Франции и «синдром маленького государства», испытываемый в Чехословакии, привели к отказу от советской помощи; более того, Великобритания и Франция блокировали советские предложения об обсуждении проблемы коллективной поддержки Чехословакии через Лигу Наций [Мельтюхов, 2018, с. 107].

Старший научный сотрудник Института славяноведения РАН С.З. Случ в своей статье проводит мысль о том, что в реальности советское руководство не собиралось оказывать помощь Праге, рассчитывая возложить ответственность за дальнейшее развитие ситуации на Лондон [Случ, 2009, с. 117]. Это суждение уже вызвало полемический отклик в некоторых публикациях [Шубин, 2018, с. 29]. Заметим, что такая интерпретация представляет собой не более чем допущение: с учетом того, что советская помощь была отвергнута, сложно сказать, как СССР поступил бы в случае принятия чехословацким правительством советской помощи.

Одним из важных остается *вопрос об альтернативности курса на «умиротворение» в политических кругах западных демократий*. Российский историк, главный редактор журнала «Вопросы истории» П.А. Искендеров в статье «Мюнхенское соглашение 1938 г.: пролог к новой войне» обращает внимание на раскол в британском политическом истеблишменте по вопросу об «умиротворении», однако противники этого курса в этот период (например, У. Черчилль) не оказали заметного влияния на общий внешнеполитический курс Лондона. Более того, вся «внешняя политика Великобритании после Первой мировой войны объективно выступала одним из ключевых факторов, питавших экспансионизм Германии» [Искендеров, 2018, с. 124].

О чрезвычайной крепкости и «близорукости» сторонников «умиротворения» говорят и другие историки [Христаторфов, 2009, Шубин, 2018]. Так, доктор исторических наук Института всеобщей истории РАН А.В. Шубин отмечал: «На родине Чемберлена встречала восторженная толпа лондонцев, исполнявшая хвалебную песню "Потому что он прекрасный парень" в честь "старого доброго Невилла". "Прекрасный парень" взмахнул текстом совместного заявления с Гитлером и произнес историческую фразу: "Вот уже второй раз в нашей истории из Германии на Даунинг-стрит вернулся почетный мир. Я верю, что этот мир продлится в течение всей нашей жизни"» [Шубин, 2018, с. 41].

Этот хрестоматийный пример красноречив. В Великобритании после Второй мировой войны шансов на политическую карьеру не было ни у одного политика, чье имя так или иначе было связано с «умиротворением». Примечательно, что исследователи отводят именно Лондону ключевую роль в проведении «политики умиротворения». Позиция Франции остается в отечественной историографии в некоторой тени, что, видимо, объясняется как ее подчиненной ролью в сложившемся тандеме, так и пока недостаточной работой отечественных авторов с материалами французских архивов.

На современном этапе в отечественной историографии продолжается рефлексия не только о Мюнхенских событиях, но и о дате начала Второй мировой войны. Например, военный историк Ю. А. Никифоров обратил внимание на то обстоятельство, что в Азии Вторая мировая война фактически началась с агрессии Японии против Китая летом 1937 г., а в Европе за начало ее можно считать агрессию Италии против Абиссинии (Эфиопии) и Гражданскую войну в Испании, в которой на стороне мятежников – испанских фашистов – открыто выступили Италия и Германия (Мюнхен–1938...). Мюнхенское соглашение в этой ситуации выглядит как очередное завоевание Берлина при молчаливом согласии Лондона и Парижа. Однако представление о причинах и следствиях договоренностей в Мюнхене можно получить только при максимально полном рассмотрении всех факторов, оказавших влияние на подписание соглашения, в процессе развития системы международных отношений в межвоенный период.

***

Мюнхенское соглашение 1938 г., как правило, оценивается как кульминация «политики умиротворения», ее квинтэссенция и пролог к новой войне. События Мюнхена по-прежнему привлекают внимание исследователей, поскольку связаны не только с Судетским вопросом и разделом Чехословакии, но и с комплексом вопросов европейской безопасности в межвоенное время. Такое неослабевающее внимания научного, общественного и политического сообществ в России и за ее пределами к этим сюжетам объясняется тем, что именно Мюнхенское соглашение стало точкой бифуркации или невозврата в предвоенных событиях европейской и мировой политики. Западные демократии при поддержке СССР могли дать реальный отпор реваншистски настроенной Германии, сдержав рост ее военной мощи, встать на путь создания эффективной системы коллективной безопасности и трансформации Версальско-Вашингтонской системы международных отношений в сторону ее стабилизации и укрепления. Посредством реального, а не декларативного включения СССР, США, Германии и других стран в созданную систему можно было предотвратить ее скорый крах, не допустить его в таких масштабах и последствиях.

Интерес исследователей и представителей политического сообщества к названным сюжетам на фоне появления новых документальных материалов свидетельствует также о потребности в продолжении осмысления предвоенных событий с целью недопущения подобного в будущем и ослабления накала нынешних информационных войн, разделяющих людей внутри одного государства, поколения и страны.

Список источников

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). «Мюнхенский сговор». URL: <http://statearchive.ru/1027> (дата обращения: 24.05.2019).

Интернет-проект «Накануне и после Мюнхена». Архивные документы рассказывают. К 80-летию «Мюнхенского сговора». URL: <http://munich.rusarchives.ru/> (дата обращения: 23.05.2019).

Мюнхен–1938: мир есть война. URL: <https://histrf.ru/biblioteka/b/miunkhien-1938-mir-iest-voina>.

Библиографический список

Айранетов О. Р. Мюнхенский раздел Чехословакии. Подготовка. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2685288.html> (дата обращения: 24.09.2019).

Айранетов О. Р. Фашисты наступают повсюду: 1938 год. URL: <https://regnum.ru/news/polit/2679124.html> (дата обращения: 24.09.2019).

Арутюнян Ю. В. Роль американской дипломатии в организации Мюнхенской Конференции 1938 года // Вопросы истории. 1958. № 2. С. 78–79.

- Безыменский Л. А.* Уроки истории (к тридцатилетию начала Второй мировой войны) // Вопросы истории. 1969. №9. С. 14–29.
- Борисов А. Ю.* Мюнхенский сговор: закулисная история // Вестник МГИМО – Университета. 2017. №3. С. 91–122.
- Великая Отечественная Война 1941–1945-х годов. Том второй: Происхождение и начало войны. Изд. доп. и испр. М.: Кучково поле, 2015. 864 с.
- Волков В. К.* Советско-германские отношения во второй половине 1940 г. // Вопросы истории. 1997. № 2. С. 3–17.
- Волков В. К.* Мюнхенский сговор и балканские страны. М.: Наука, 1978. 327 с.
- Искендеров П. А.* Мюнхенское соглашение 1938 г.: пролог к новой войне // Вопросы истории. 2018. №4. С. 120–127.
- Кретинин С. В.* Судетские немцы: Народ без родины в 1918–1945 гг. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2000. 320 с.
- Магадеев И. Э.* «Вторая Тридцатилетняя война» 1914–1945 гг.? О некоторых особенностях развития международных отношений в Европе на пути ко Второй мировой войне // Вестник Московского университета. Сер. 25: Международные отношения и мировая экономика. 2014. №4. С. 34–61.
- Матвеев В. А.* Мюнхен не повторится. М.: Междунар. отношения, 1970. 96 с.
- Марьина В. В.* Дипломатия Бенеша после Мюнхенского соглашения. 1939–1945 гг. // Новая и новейшая история. 2009. №4. С. 59–84.
- Марьина В. В.* Еще раз о «Мюнхенском сговоре» (новые документы из чешских архивов) // Славяноведение. 2006. №3. С. 16–37.
- Мельтюхов М. И.* Красная армия и Чехословацкий кризис 1938 г. // Мюнхен-1938: Падение в бездну Второй мировой. М.: Кучково Поле, 2018. С. 89–110.
- Мерцалов А., Мерцалова Л.* Тайны истории. Сталинизм и война. М.: Терра-Книжный клуб, 1998. 432 с.
- Мюнхен – преддверие войны (Исторические очерки) / отв. ред. В.К. Волков. М.: Наука, 1988. 308 с.
- Наджафов Д. Г.* Историография. Советско-германский пакт 1939 года: переосмысление подходов к его оценке // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 154–167.
- Нотович Ф.* Из дипломатической истории Мюнхенского соглашения // Вопросы истории. 1945. № 5–6. С. 154–173.
- Орлик И. И.* Москва – Прага: накануне чехословацкой трагедии по материалам архива Министерства иностранных дел Чешской республики // Новая и новейшая история. 2018. №4. С. 15–28.
- Парсаданова В. С.* Польша, Германия и СССР между 23 августа и 28 сентября 1939 года // Вопросы истории. 1997. № 7. С. 13–31.
- Платошкин Н. Н.* Сотрудничество судетских немцев с вооруженными силами и спецслужбами нацистской Германии во время Мюнхенского кризиса 1938 г. // Мюнхен-1938. Падение в бездну Второй мировой. М.: Кучково Поле, 2018. С. 111–123.
- Поляков В. Г.* Англия и Мюнхенский сговор (март – сентябрь 1938 г.) // М.: Из-во АН СССР, 1960. 333 с.
- Семиряга М. И.* История советского общества в новом освещении. Советский Союз и предвоенный политический кризис // Вопросы истории. 1990. № 9. С. 49–64.
- Сератинова Е. П.* Эдвард Бенеш и Мюнхенский кризис // Новая и новейшая история. 2018. № 4. С. 205–223.
- Случ С. З.* Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 года: некоторые аспекты политики невмешательства // Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность. М.: Б. и., 2009. С. 117–132.
- Смирнов В. П.* Мюнхенская конференция и советско-германский пакт о ненападении в дискуссиях российских историков // Вестник МГИМО–Университета. 2009. № S4. С. 185–203.
- СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. – август 1939 г.): Док. и матер. М.: Изд-во полит. лит., 1971. 736 с.
- Трухановский В. Г.* Правда о 1939 годе: Новые данные // Вопросы истории. 1971. № 7. С. 3–30.

1939 год. Уроки истории / В.К. Волков, Р.М. Илюхина, А.А. Кошкин и др.; отв. ред. О.А. Ржевский. М.: Мысль, 1990. 508 с.

Ушаков В. Б. Внешняя политика гитлеровской Германии. М.: Междунар. отношения, 1961. 270 с.

Христофоров В.С. Мюнхенское соглашение – пролог Второй мировой войны (по архивным материалам ФСБ России) // Новая и новейшая история. 2009. №1. С 21–47.

Хроника научной жизни. Обсуждение школьного учебника по истории // Вопросы истории. 1990. № 1. С. 188–191.

Штейн Б. Е. Буржуазные фальсификаторы истории (1919–1939). М.: Изд-во АН СССР, 1951. 237 с.

Шубин А. В. СССР и Мюнхенский договор 1938 г. // Новая и новейшая история. 2018. №4. С. 29–41.

Дата поступления рукописи в редакцию 29.03.2019

MUNICH PACT OF 1938 IN THE ASSESSMENTS OF SOVIET AND RUSSIAN HISTORIANS

E. V. Khahalkina, D. V. Ganzha, D. V. Ratz

Tomsk State University, Lenin ave., 36, 634050, Tomsk, Russia
ekhahalkina@mail.ru
dmitrii.ganzha@yandex.ru
Runk.Up@yandex.ru

The article assesses the views of Russian historians on the Munich agreement of 1938 in the Soviet and post-Soviet periods. At the first stage, historians, according to the spirit of the times and ideological line, fully put the responsibility for the Munich pact and its consequences on Western democracies, focusing on the role of the USSR as the sole guarantor of peace. Related subjects, such as the position of minor European countries, weakly fell into the focus of academic interest, including due to the lack of archival materials. In the post-Soviet period, historians received the opportunity to expand the research field, including new stories and documentary sources, smoothing the most acute angles in the interpretation of the events of 1938, turning to a deeper analysis of the studied subjects, and paying special attention to the Soviet, American, Balkan and other factors in the policy of appeasement at its final stage. More than before, the researchers began to pay attention to the role of the individual in history, referring to an analysis of the biographies of politicians who ruled the fate of their countries and the world, based on new sources of personal origin and documentary materials. The authors conclude that, in recent years, the interest in the Munich agreement has increased due to the politicization of this historical plot (with frequent comparison with the Soviet-German Non-aggression Pact of 1939) and its use in the so-called memory wars between Russia and European states.

Key words: Munich agreement of 1938, pre-war Europe, Germany, Great Britain, France, Italy, Czechoslovakia.

References

“Chronicle of scientific life. Discussion of the school history textbook”, *Voprosy istorii*, 1990, № 1, pp. 188–191.

Arutyunyan, Y.V. (1958), “The Role of American Diplomacy in the Organization of the 1938 Munich Conference”, *Voprosy istorii*, № 2, pp. 78–79.

Bezymenskiy, L.A. (1969), “Lessons of history (on the thirtieth anniversary of the beginning of World War II)”, *Voprosy istorii*, № 9, pp. 14–29.

Borisov, A.Yu. (2017), “Munich conspiracy: a backstage story”, *Vestnik MGIMO – Universita*, № 3, pp. 91–122.

Iskanderov, P.A. (2018), “The Munich Agreement of 1938: the prologue to a new war”, *Voprosy istorii*, № 4, pp. 120–127.

Khristoforov, V.S. (2009), “The Munich Agreement – a prologue of World War II (based on archival materials from the FSB of Russia)”, *Novaya i noveyshaya istoriya*, № 1, pp. 21–47.

Kretinin, S.V. (2000), *Sudetskie nemtsy: narod bez rodiny v 1918-1945 gg.* [Sudeten Germans: A people without a homeland in 1918-1945], Izd-vo Voronezh. gos. un-ta, Voronezh, Russia, 320 p.

Magadeev, I.E. (2014), “The Second Thirty Years War 1914-1945? About some features of the development of international relations in Europe on the way to the Second World War», *Vestnik Moskovskogo universiteta*, Series 25: International Relations and the World Economy, № 4, pp. 34–61.

Maryina, V.V. (2006), “Once again about the “Munich Agreement” (new documents from the Czech archives)”, *Slavyanovedenie*, № 3, pp. 16–37.

- Maryina, V.V. (2009), “Beneš diplomacy after the Munich Agreement. 1939-1945”, *Novaya i noveyshaya istoriya*, №4, pp. 59–84.
- Matveev, V.A. (1970), *Munkhen ne dolzhen povtoritsya* [Munich must not be repeated], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, USSR, 96 p.
- Meltyuhov, M.I. (2018), “The Red Army and the Czechoslovak crisis of 1938”, in *Munkhen-1938. Padenie v bezdnu Vtoroy Mirovoy* [Munich-1938. Falling into the abyss of World War II], Kuchkovo Pole, Moscow, Russia, pp. 89–110.
- Mertsalov, A. & L. Mertsalova (1998), *Sekrety istorii. Stalinism i voyna* [Secrets of history. Stalinism and war], Terra-Knizhnyy klub, Moscow, Russia, 432 p.
- Nadzhafov, D. G. (1999), “Historiography. Soviet-German Pact of 1939: rethinking approaches to its assessment”, *Voprosy istorii*, № 1, pp. 154–167.
- Notovich, F. (1945), “From the diplomatic history of the Munich Agreement”, *Voprosy istorii*, № 5–6, pp.154–173.
- Orlik, I.I. (2018), “Moscow-Prague: on the eve of the Czechoslovak tragedy based on materials from the Archive of the Ministry of Foreign Affairs of the Czech Republic”, *Novaya i noveishaya istoriya*, №4, pp. 15–28.
- Parsadanova, V.S. (1997), “Poland, Germany and the USSR between 23 August and 28 September of 1939”, *Voprosy istorii*, № 7, pp. 13–31.
- Platoshkin, N.N. (2018), “Cooperation of Sudeten Germans with the armed forces and special services of Nazi Germany during the Munich crisis of 1938”, in *Munkhen-1938. Padenie v bezdnu Vtoroy Mirovoy* [Munich-1938. Falling into the abyss of World War II], Kuchkovo Pole, Moscow, Russia, pp. 111–123.
- Polyakov, V.G. (1960), *Angliya i Munkhenskoe soglashenie (mart – sentyabr 1938 g.)* [England and the Munich Agreement (March – September 1938)], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, USSR, 333 p.
- Semiryaga, M.I. (1990) “The history of the Soviet society in the new lightening. The Soviet Union and the pre-war political crisis”, *Voprosy istorii*, № 9, pp. 49–64.
- Serapinova, E.P. (2018), “Edward Beneš and the Munich crisis”, *Novaya i noveyshaya istoriya*, № 4, pp. 205–223.
- Shtein, B.E. (1951), *Burzhuznye fal'sifikatory istorii (1919–1939)* [Bourgeois falsifiers of history (1919–1939)], Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, Moscow, USSR, 237 p.
- Shubin, A.V. (2018), “The Soviet Union and the Munich agreement of 1938”, *Novaya i noveyshaya istoriya*, № 4, pp. 29–41.
- Sluch, S.Z. (2009), “The Soviet Union and the Czechoslovak crisis of 1938: some aspects of the policy of non-intervention”, in *Munkhenskoe Soglashenie 1938 goda: istoriya i sovremennost* [Munich Agreement of 1938: history and modernity], w.p., Moscow, Russia, pp. 117–132.
- Smirnov, V.P. (2009), “The Munich conference and the Soviet-German non-aggression pact in the discussions of Russian historians”, *Vestnik MGIMO-Universiteta*, № S4, pp. 185–203.
- SSSR v bor'be za mir nakanune vtoroy mirovoy voyny (sentyabr' 1938 g. – avgust 1939 g.): Dok. i mater.* (1971) [USSR in the struggle for peace on the eve of World War II (September 1938 - August 1939). Documents and materials], Izd. politicheskoy literatury, Moscow, USSR, 736 p.
- Trukhanovskiy, V.G. (1971), “The truth about 1939: New data”, *Voprosy istorii*, № 7, pp. 3–30.
- Ushakov, V.B. (1961), *Vneshnyaya politika gitlerovskoy Germanii* [Foreign policy of Hitler's Germany], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia, USSR, 270 p.
- Volkov, V.K. (1979), *Munkhenskoe soglashenie i Balkanskije strany* [Munich agreement and the Balkan countries], Nauka, Moscow, USSR, 327 p.
- Volkov, V.K. (1997), “Soviet-German relations in the second half of 1940”, *Voprosy istorii*, № 2, pp. 3–17.
- Volkov, V.K., Ilyukhina, R. M., Koshkin, A. A. and O. A. Rzheshhevskiy (eds.) (1990), *1939 god. Uroki istorii* [1939. History lessons], Mysl', Moscow, Russia, 508 p.
- Volkov, V.K. (ed.) (1988), *Munkhen - preddverie voyny (Istoricheskie esse)* [Munich – the eve of war (Historical essays)], Nauka, Moscow, Russia, 308 p.